

Яков Тестелец

Воспоминания о Сергее Старостине

Явление Дамблдора

Я точно могу сказать, когда увидел его в первый раз. Это случилось 1 декабря 1973 года. Темным морозным вечером на первом этаже гуманитарного корпуса МГУ происходил разбор задач первого тура X лингвистической олимпиады. Большая, размером с кинозал, 9-ая аудитория вся была заполнена нами, школьниками невыпускных классов. Разбиралась задача, заимствованная, кажется, из какой-то работы по автоматическому анализу: дана старояпонская фраза *какикуэбаканэганарунари*, записанная без пробелов между словами, и все морфемы или слова, из которых она могла бы состоять: *ка, каки, ак, ака, ака-нэ...* и т. д. Нужно было посчитать число способов, которыми это предложение могло бы быть разделено на значимые части.

После того, как разбор задачи был закончен и искомое число найдено, я поднял руку.

— Скажите, пожалуйста, - как эта фраза делится на самом деле и что она значит?

Девушка, разбиравшая задачу (много позже я узнал, что ее зовут Лена Саввина), сначала как будто смутилась, а затем повернулась к раскрытым дверям аудитории и что-то проговорила, обращаясь к очкам, поблескивающим в задверной темноте. Очки и борода под ними пошевелились, но их обладатель не сделал никакой попытки войти в аудиторию. Тогда девушка решительно шагнула за дверь и после недолгих, но энергичных переговоров вывела оттуда, держа за рукав, худого высокого сутуловатого хипаря. Нечесанные густые черные волосы, мятый свитер и довольно длинная и также нечесаная борода — все это выглядело необычно на таком чинном мероприятии, каким должна была быть советская школьная олимпиада. Полы его шубы, достающей до пят, эффектно развевались, пока он, влекомый Леной, шел к доске. Определить возраст чудака было трудно (а было ему тогда 20 лет). Все оживились и захихикали, с любопытством вытягивая шеи. В наэлектризованной аудитории как будто повеяло чем-то необычным и таинственным.

Незнакомец, сощурившись, смотрел на нас несколько мгновений из-за очков и, казалось, посмеивался в бороду. Затем повернулся к доске и показал рукой на японское предложение. Вдруг стало очень тихо. Делая в нужных местах паузы и приятно грассируя, он проговорил:

— Каки... куэба... канэ... га... нару... нари... Когда ешь хурму, звенит колокол!

9-ая аудитория обрушилась от хохота и аплодисментов. Усмехаясь и запахивая полы шубы, знаток японского языка стремительно вышел.

— Кто это? — спросил я у кого-то из знакомых студентов ОСиПЛа.¹

— Старостин, — ответили мне.

Я вспомнил об этом, читая рассказ о встрече главных героев в великой книге, написанной через двадцать лет. Зал, наполненный детьми, высокая худая фигура волшебника, борода, развевающаяся мантия и очки на длинном носу, пронизательный взгляд, улыбка, атмосфера праздника, чуда и предчувствие приближающихся великих событий. И загадочные абсурдные слова.

Albus Dumbledore had got to his feet...

'I would like to say a few words. And here they are: Nitwit! Blubber! Oddment! Tweak!'...

Everybody clapped and cheered. Harry didn't know whether to laugh or not.

'Is he - a bit mad?' he asked Percy uncertainly.

'Mad?' said Percy airily. *'He's a genius!'* (J.K. Rowling, Harry Potter and the Philosopher's Stone)².

Пралезгинская фонетика

Май 1983 года. Я сижу в пустом секторе кавказских языков в здании, куда только что переехал Институт языкознания на улице Семашко (нынешнем Большом Кисловском переулке). В окна доносится шум с проспекта. Передо мной — толстая пачка машинописи. Это "Фонетика", написанная Сережей Старостиным, часть их совместной монографии с Мишей Алексеевым "Сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков"³.

Лезгинские языки — наиболее рано распавшаяся из дагестанских групп, эти девять языков⁴ разошлись больше, чем, например, германские, и тем важнее реконструкция на пралезгинском уровне — самым глубоким из тех, которые доступны "за один шаг".

Вот пралезгинская система согласных. Транскрипция на кириллической основе (более удобную латинскую им не разрешили использовать). Противопоставление шумных по силе плюс еще звонкость — это многовато, но хотя звонкие и периферийны, он прав, от них все-таки не отделаешься. Но что означают сильные сонорные? Красиво, конечно, суммированы необычные соответствия⁵ с участием сонорных, которые его предшественники проигнорировали, например, цахурское, арчинское и удинское *м* — *б* в других языках, или арчинское сильное *тт* — *л* в других языках. Но в дагестанских языках сила — признак шумных, а не сонорных.

А, ну конечно... Эти пралезгинские сильные сонорные соответствуют прааваро-андийским сочетаниям сонорных и ларингалов.

Реконструкция целой системы сочетаний из сонорных и ларингалов в аваро-андийском — удивительная идея Николаева и Старостина. Сначала я заподозрил, что это они предлагают в шутку — надо ведь что-то делать с кашей конечных соответствий в андийских языках, перед которой в недоумении остановился Т. Гудава. Там в одном языке долгий гласный, в другом назализованный, в третьем — долгий назализованный, в четвертом — смычка с назализацией и т. п., в общем, трудно что-нибудь понять. И вот чтобы справиться с этим, они с поразительной смелостью предлагают реконструировать комбинации сонорных и ларингалов. Этот тип сочетаний в дагестанских языках встречается очень редко, ну, в даргинском он бывает, в аварских диалектах явно вторичен... Только постепенно, привыкая к их безумной идее и вглядываясь в материал, начинаешь видеть, как красиво каждое сочетание объясняет особенности именно данной строки соответствий, как из огромного множества хаотических и запутанных на первый взгляд фактов проступает гармонически ясная и простая картина прааваро-андийской структуры.

С любопытством просматриваю систему пралезгинских сочетаний согласных (кластеров). Никто из предшественников Старостина даже и не пытался решить эту задачу, отделяясь замечаниями о "наращении" или "отпадении". В каждом отдельном языке эта система сильно упростилась, потому что первый элемент (сонорный) часто отпадал...

Ничего себе... постулируется почти полный набор комбинаций сонорных с шумными, прямо как в немецком... есть и **нт*, и **мт*, и **нк*, и **мк*...⁶

А это что значит? Он реконструирует **лц*, а *л* ни в одном из отражений нет: *ц* в агульском и лезгинском, *рц* в табасаранском, *с* в рутульском. Откуда он взял *л*?..

Вчитываюсь в объяснение: **л* реконструируется здесь по системным соображениям, а именно: есть табасаранское сочетание *лдз*, которое явно соответствует пралезгинскому **лцц* с сильной аффрикатой, но нет табасаранского *лц* со слабой аффрикатой. Но зато есть вот эти самые примеры на табасаранское *рц*. Может быть, они восходят к пралезгинскому **рц*? Нет. Потому что пралезгинское **рц* сохраняет *р* в рутульском и лезгинском.

Старостин предполагает, что это *рц* - отражение пралезгинского **лц*, которое развивается совершенно аналогично **лцц*, т. е. сонорный вылетает в агульском, лезгинском и рутульском, но сохраняется в табасаранском. Надо лишь сделать одно-единственное допущение - что в табасаранском сочетании *л* перешел в *р*, и все становится на свои места...

Хм... Я стараюсь вообразить, как бы поступил на его месте посредственный компаративист, если бы вдруг ему пришла в голову необычная для посредственных компаративистов мысль реконструировать кластеры.

Посредственный компаративист не заметил бы самой проблемы. Записал бы элементы этого соответствия через запятую в соответствие для *рц, и дело с концом. Распределения, вы спрашиваете? Распределения здесь не выяснены...

Хорошо, а если бы за дело взялся все-таки способный на что-то человек, ну... хоть я, например?..

Я мог бы обратить внимание на явную схожесть двух соответствий, где сонорный сохраняется только в табасаранском. А дальше? Дальше — я бы, скорее всего, попытался объединить их. Да, пожалуй, я бы поступил именно так. Но (мурашки по спине...) восстанавливать для второго *отдельный* кластер с л, притом что никакого л там в наличии *нет*... — на такую смелость способен, наверно, только гений.

Да и вообще я, как и мой воображаемый коллега, объединил бы все непонятные соответствия с понятными, только сделал бы это более осмысленным и менее тривиальным образом. Отсутствие распределений меня бы, в отличие от него, огорчило, но не слишком. Лакуны в системе кластеров? Ничего страшного, это же не картвельский⁷, в языках-потомках лакуны тоже есть... А вот то, что предлагает Старостин — система с минимальным числом лакун — это, наоборот, головокружительно...

Ну что же — его решение сохраняет свободу за будущими исследователями: хочешь уменьшить число кластеров — бери и уменьшай, если у тебя получится, конечно. А в обратную сторону пути бы не было. Чтобы увеличить число кластеров, пришлось бы заново все перемешать...

Разбираюсь дальше - не только этот момент, но и вся реконструкция сочетаний построена на точном учете спонтанных и позиционных отражений компонентов и на безупречных системных соображениях.

Дальше идет реконструкция вокализма⁸. Е.А. Бокарев пытался предварительно реконструировать пралезгинские гласные, да... но его соответствия выполняются только для тех слов, которые он приводил в качестве примера. Здесь — все иначе. Соответствия между гласными в лезгинских языках, которые на первый взгляд кажутся безнадежным хаосом, сведены в компактную систему из семи элементов, с простыми и элегантными позиционными распределениями. И еще именной и глагольный аблаут...⁹ Вспоминаю гололомную сложность чередований гласных в рутульском, цахурском, будухском, арчинском глаголе. Здесь все стройным образом выводится из одного главного типа и нескольких второстепенных...

Реконструкция конечного вокализма именных корней по косвенным основам... Попутно решается ряд загадок, например, почему ряд имен в цахурском оканчивается на -а, а в других лезгинских языках — на предшествующий согласный. Тщательный разбор аблаута конечной гласной глагола...

Четкие, наглядно аргументированные правила позиционных распределений... Сколько же их тут...

Латеральные аффрикаты в табасаранском дали велярные рефлексы перед задними гласными, но шипящие перед передними гласными...

Начальные сочетания сонорных со средними и узкими гласными в лезгинском в двух- и более сложных корнях отпадают...

В крызском и будухском фрикативы под влиянием фарингализации превратились в эмфатические ларингалы...

Протошахдагское *о отражается по-разному в зависимости от позиции при задне- или переднеязычных согласных... и тот же фактор определяет отражение *аь в арчинском;

Распутан до последней ниточки клубок рефлексов пралезгинских *р и *л в цахурском, с которым не справился Б. Гигинейшвили, хотя и пытался сформулировать распределение. Основными факторами, оказывается, были структура корня и характер праязыкового гласного, следующего за сонорным, в том числе "скрытого", проявляющегося только в косвенной основе...

и еще... и еще... и еще... на десятках и десятках страниц передо мной водопад позиционных распределений, и каждое обосновано и отточено до совершенства.

Это великолепная в своей законченности картина, в которой оставлено без объяснения только то немногое, что действительно нельзя пока объяснить на основе имеющихся фактов (например, деназализация начальных носовых в арчинском). Эта согласованная система правил возвращает нам первоначальную фонетическую форму слов на нескольких четко разграниченных хронологических уровнях — они действуют как целая армия профессиональных археологов, в разных местах снимающих и просеивающих землю на раскопе. И вот перед наблюдателем постепенно проступают контуры здания, которым пользовались люди, ушедшие тысячелетия назад.

...Я не могу читать спокойно. Встаю из-за стола, хожу взад-вперед, сажусь обратно, читаю снова. В институте почти никого нет, сегодня неприсутственный день. Мне казалось, что я знаю Сережу Старостина и его работу. Но одно дело — слушать доклады с выписыванием реконструкций на доске или разговаривать с автором, а другое — видеть готовый отработанный текст. Пока текст не написан, работа, даже самая замечательная, как бы еще не совсем реальна. Я знаю уже, как трудно получить в лингвистике по-настоящему хороший, а не имитационный результат, знаю, как много пишется и печатается слабых работ в сравнительном языкознании. И мне понятно, что означает лежащая на столе кипа страниц. В кавказской лингвистике наконец происходят долгожданные события, притом исключительного и никем не предвиденного масштаба.

Что скажут об этом известные кавказоведы, которые, в отличие от Старостина, десятилетиями занимались почти только сравнительно-историческим изучением кавказских языков, но не смогли создать, пожалуй, ни одной работы такого уровня? И что будет дальше?.. Лезгинская сравнительная фонетика — это небольшая часть того, что сделали в кавказоведении Николаев и Старостин.

Заведующий сектором кавказских языков и мой научный руководитель Георгий Андреевич Климов — сейчас, несомненно, самый авторитетный в Советском Союзе кавказовед-компаративист, друг и коллега рано ушедших Гиви Мачавариани и Того Гудавы¹⁰, ныне здравствующего Тамаза Гамкрелидзе. Он автор "Этимологического словаря картвельских языков" — первого кавказского этимологического словаря, последовательно использующего праязыковые реконструкции и различающего хронологические уровни. Георгий Андреевич опубликовал первую в кавказской лингвистике серьезную книгу по сравнительно-исторической морфологии. Он первым применил к кавказским языкам метод лексикостатистики. Ему принадлежит краткое введение в сравнительно-историческое языкознание, позднее переработанное в учебник¹¹. (Эту брошюру мне, еще школьнику, подарил на Олимпиаде Сергей Николаев, но при этом забыл представиться, и я довольно долго думал, что Николаев — это и есть Климов.)

Много лет Климову и его друзьям приходилось бороться с Чикобавой¹², энергичным и властолюбивым компаративистом-дилетантом, который пытался монополизировать за собой и своей школой "историко-сравнительное", как он это называл, изучение кавказских языков. Чикобава то ли слишком горд, чтобы освоить то, что написано во всех учебниках, то ли это оказалось ему не по силам. В его большой и влиятельной школе есть два-три квалифицированных компаративиста, но в целом то, что они практикуют — шаг назад по сравнению с работами основоположника кавказского сравнительно-исторического языкознания Николая Трубецкого¹³. Чикобава не владеет техникой ни внешней, ни внутренней реконструкции, формы под звездочкой отвергает и наивно называет "фиктивными", не умеет разграничивать хронологические уровни, не понимает, что такое полная система соответствий, какова роль совместных инноваций, не учитывает парадигматическое выравнивание, ничего, по-видимому, не слышал о лексикостатистике...

Борьба компаративистов поколения Г.А. с Чикобавой и его сторонниками была долгой и тяжелой. В результате им удалось отвоевать жизненное пространство для серьезных сравнительно-исторических штудий в кавказоведении. Они доказали, что историче-

ское изучение кавказских языков можно проводить глубоко и всерьез, на том профессиональном уровне, который задан индоевропейским языкознанием. Нельзя не испытывать признательности за все, что они сделали.

Пока что лицо Г.А. каменеет при одном упоминании имени Старостина. Это мне досадно, но понять я его могу — на единственных пока кавказоведческих докладах Старостина и Николаева в Институте языкознания¹⁴ он не присутствовал — вероятно, был занят, но до него доходили слухи о результатах, полученных ими, и он этим слухам, конечно, не верит. Я бы на его месте тоже не верил. После многих лет топтания на месте вдруг такой огромный успех в решении нерешаемых проблем, да еще двух молодых и не авторитетных авторов, не кавказоведов по основной специальности... Пока что Г.А. категорически отказался читать полную версию "Сравнительной фонетики" из-за того, что она превышает запланированный объем, и ждет, пока Старостин сделает сокращенный вариант. "Так он никогда ничего не опубликует — если будет писать вдвое больше запланированного", недобро усмехается Г.А. Конечно, — думаю я, — он пока *не знает*, что это такое - как только он прочитает сокращенный вариант, сразу же добьется публикации полного.

Но все равно это как-то странно. Ведь столько лет пишут и говорят о необходимости шаг за шагом провести в кавказоведении ту же работу по компаративистике, которая была проведена с индоевропейскими языками. Сам Г.А. много раз говорил это. И вот перед ним — текст, озаглавленный "Сравнительно-историческая фонетика лезгинских языков". Допустим, он сомневается, что работа сделана квалифицированно. Но неужели ему даже не любопытно взять в руки и перелистать?

На Трубниковском

Руководимый В.А. Дыбо семинар имени В.М. Иллич-Свитыча, в обиходе называемый "ностратический семинар", в конце 1970-х — начале 1980-х гг. ностратикой¹⁹ почти не занимался. Правда, для ностратической теории этот период бесплодно не прошел, так как был получен важный негативный результат — выяснено, какие языки ностратическими *не* являются. Получен он был попутно, в результате того, как группа молодых талантливых лингвистов углубилась в необозримый и благодарный материал не-ностратических семей Старого Света. Сергей Старостин был лидером этой группы. Еще когда я школьником посещал лингвистический кружок при МГУ, я слышал о Старостине, тогда еще студенте, как об огромной надежде и восходящей звезде сравнительно-исторического языкознания. Таким образом, московской лингвистики без Старостина я не помню.

Одно время меня удивляло, когда при мне про кого-то из этих людей говорили "Он (или она) занимается ностратикой", а я знал, что он (или она) ностратикой вовсе не занимается, а занимается только одной из семей ностратических языков, или сино-тибетскими, или чукотско-камчатскими, или северокавказскими языками. Постепенно до меня дошло, что выражение "X занимается ностратикой" означает на самом деле "X принадлежит к этому кругу лингвистов, к которому я отношусь плохо". Я не удивлюсь поэтому, если выяснится, что и про меня кто-то говорил, что я занимаюсь ностратикой.

Собственно, и сам Старостин мало занимался ностратической теорией. 90% его исследований было подготовкой грандиозного фундамента для гипотез дальнего родства - разработкой сравнительно-исторической фонетики и этимологии общепризнанных семей. Например, идея сино-кавказского родства²⁰ сама по себе не была исключительным интеллектуальным достижением. Таким достижением — и совершенно беспрецедентным, — был вклад Старостина в сравнительное изучение дочерних семей — северокавказских, енисейских и сино-тибетских. Праязыковое родство, которое он увидел по завершении основной работы, было как бы "наградой" за эти достижения. К сожалению, неспециалист воспринимает как наиболее интересное и захватывающее в проблематике языкового родства не всегда то, что является таковым с "внутренней" точки зрения.

Семинар происходил раз в неделю, в небольшом актовом зале Института славяноведения и балканистики в Трубниковском переулке. Из лингвистов старшего поколения регулярно на нем бывал только руководитель — Владимир Антонович Дыбо, в этой компании он казался старше своих лет. А.Б. Долгопольский к тому времени уже уехал ²¹. Народу было немного — обычно человек десять. Собирались с шести-семи, начинали работать в восемь, сидели допоздна, пили чай. Выступления были двух родов: доклады по более или менее частным проблемам и настоящие циклы лекций по сравнительным фонетике и этимологии различных семей. Старостин и Николаев несколько раз на протяжении этих лет начинали излагать свою севернокавказскую реконструкцию в очередной версии. При этом хорошо если удавалось рассказать об основных результатах по одной-двум группам, затем рано или поздно после десяти-пятнадцати докладов подряд это бесконечное изложение как-то само собой прекращалось. Впрочем, один раз уже в середине 1980-х Старостин почти целиком изложил севернокавказскую реконструкцию.

Ксероксы при советской власти запирались на семь замков, сделать копию нужной книги или статьи было трудно, о компьютерах и хэндаутах еще не было и слуху. Ряды ответов выписывались на доске и испещряли листы тетрадей. Степень их разборчивости сильно варьировала в зависимости от свойств доски и мела, от глазомера и четкости почерка докладчика и слушателя.

Курили столько, что даже для меня, человека привычного, это было чересчур, и я иногда выходил подышать на улицу.

Несмотря на такой нелегкий для восприятия способ представления материала и практически полное отсутствие публикаций, несколько вещей я понял сразу: во-первых, дагестанские и вообще кавказские языки потрясающе интересны для применения сравнительно-исторического метода; во-вторых, ни одна из известных мне компаративных кавказоведческих работ не выдерживает сравнения по качеству, глубине и детальности с реконструкцией Старостина и Николаева; в-третьих, Сережа Старостин и Сережа Николаев — лингвисты совершенно необыкновенные. Помню, меня больше всего тогда потрясла феноменальная память Старостина, его способность в любой момент ответить на вопрос, как будет — что угодно, ну, скажем, 'голубь' на фитейском диалекте агульского языка или 'падать' на тапантском диалекте абазинского, а также его глубокое знание самых разных языков и сравнительных грамматик, прежде всего индоевропейской. Прошло некоторое время, прежде чем я понял, что величие Старостина не в этом.

В то время я без особого успеха пытался внести вклад в сравнительную фонетику цезских языков ²². За цезскую реконструкцию "отвечал" Николаев, и мы с ним довольно много общались. На меня сильнейшее впечатление произвел этот человек-вулкан, бросавший поразительно интересные и плодотворные идеи направо и налево и почти ничего не доводивший до конца. Рядом с колоритной и яркой фигурой Николаева Старостин казался слишком рассудительным и трезвым. Я, опять же, не понимал тогда одного из основных принципов его работы: идеи имеют право быть безумными, но их доказательства обязаны быть простыми и наглядными, и при этом до конца проработанными в деталях, такими, чтобы перед этой четкостью и ясностью отступила любая критика.

Из общения со Старостиным было понятно, что он прочно и твердо усвоил основы синхронной лингвистики, как их преподавали на ОСиПЛе в первой половине 1970-х. Поэтому слухам о том, что он был ленивым студентом, я не очень верю, хотя и не думаю, что он был любимцем всех преподавателей. Его познания в области фонетики и морфонологии, особенно в области фонетической типологии, были огромны. Современных фонологических теорий он, правда, не знал и, как большинство российских лингвистов, относился к ним с недоверием. Но благодаря здравому смыслу, мощной интуиции и хорошей прививке динамического подхода к языку, которую он получил на ОСиПЛе, Сережа всегда трезво относился к догматам структуралистской фонологии и к дискуссиям (по Свифту) вокруг различных определений фонем и чередований.

Что же касается сравнительно-исторического метода, мне трудно представить себе, что он его когда-нибудь в точном смысле слова изучал. Скорее всего, он воспринимал его как дельфин плавание – как что-то совершенно естественное, чему учиться не надо.

То, что он публиковал мало статей и всегда представлял себе готовую работу в виде книги или компьютерной базы данных, может быть, было ошибкой. Но он считал, что только большая работа, в которой, по его выражению, "все видно", обладает полной доказательной силой. Поэтому в 1995 г., после публикации "Северокавказского этимологического словаря", его очень удивляло, что, хотя некоторые оппоненты признали его правоту, другие по-прежнему все отвергали. М.Е. Алексеев как-то сказал мне, что если бы Старостин публиковал свои кавказоведческие работы постепенно в виде статей, они бы не вызвали серьезного противодействия. Так это или нет, мы уже не узнаем, но мне не очень верится, что отношение к нему некоторых его противников можно было бы изменить таким способом — или любым другим.

Во избежание недоразумений скажу, что я, конечно, не считаю Старостина непогрешимым. Его нередко убедительно критиковали, находили у него ошибки и т. д., а при дальнейшем освоении его наследия серьезной критики будет, я уверен, еще больше.

То, что люди настороженно реагируют на всякую радикальную новизну и не спешат пересматривать принципиально важные положения даже под давлением очевидных фактов, — довольно разумно, и не стоит раздражаться на них за это. Однако меня всегда удивляло одно обстоятельство. Старостин — последовательный сторонник сравнительно-исторического метода в его классическом виде. А его наиболее непримиримые оппоненты, как бы сговорившись, предлагают некие поправки к общепринятой теории языкового родства, причем у этих разнообразных поправок есть одна общая черта: из них следует, что на глубоких хронологических уровнях сравнительно-исторический метод в его обычной версии не работает и, следовательно, цели Старостина и его единомышленников недостижимы. Здесь не место разбирать эти несколько комичные "поправки против Старостина", отмечу только, что он в данном случае выступает как консерватор, а его оппоненты — как смелые, но не слишком убедительные новаторы.

Голоса с той стороны

"У меня нет времени, чтобы во всем разбираться, но ясно же, что это бред - одному человеку просто не под силу поднять такой материал"

"А Старостин берет индоевропейские реконструкции в готовом виде из словаря Покорного! Покорный... хе-хе... любой специалист знает: там в каждой словарной статье ошибки!"

"Я внимательно прочитал кандидатскую диссертацию Старостина и диссертационное дело со всеми хвалебными отзывами. Я, конечно, не китаист, но даже мне стало ясно, что это халтура"

"А вы знаете, что Старостин берет слова для сравнения из двуязычных словарей... ха-ха!.. нет, вы понимаете? — из словарей!.."

"Старостин совершенно неверно представляет себе, как устроена фонологическая система языка"

"Старостин — это полное неумение работать со словом"

"Я слушал доклад Старостина, и на меня, знаете ли, повеяло девятнадцатым веком. Это то сравнительное языкознание, которое мы оставили далеко позади"

"Со Старостиным невозможно вести полемику, он высокомерен, агрессивен и не дает говорить оппоненту"

"Это отказ от великих традиций... да... великих традиций... наших великих предшественников..."

"Реконструкция Старостина представляет собой диффузный язык первоначального человечества, но носители этих праязыков не могли быть первоначальным человечеством"

"Старостин совершенно неверно представляет себе, как развивался язык тысячелетия назад"

"Он выписывает эти бесконечные ряды соответствий, потом что-то рисует под звездочкой и воображает, что все понял"

"Старостиным движет непомерное честолюбие: он стремится побыстрее все реконструировать, чтобы никто его не опередил, а качество работы не интересует его ничуть"

"Старостин совершенно неверно представляет себе, как развивается язык в настоящее время"

"Кажется, что словарь Николаева и Старостина писал не человек, а компьютер"

"Эта фанатская истерика просто возмутительна. Все восхваляют гениального Сережу, а, между прочим, других людей, которые реально работали с материалом, не считают нужным даже упоминать"

"Но Старостин — это же ностратические исследования, а их ни один нормальный человек не принимает всерьез"

"Старостин подготавливает в своем кружке так называемых "квалифицированных компаративистов", не знающих языков, а затем спускает их (hounds them at) на какое-нибудь частное языкознание, где они устраивают скандал и мешают лингвистам работать"

"Мы видим обычный эффект кукушки и петуха: один фантаст, представитель школки, заявляет о якобы великих открытиях, которые сделал другой представитель, а второй представитель той же самой школки говорит буквально теми же словами о фантастических построениях первого"

"Его работы никто не признает за рубежом, совершенно никто!.. ну, кроме одного-двух человек, может быть"

"Сино-... кавказское родство... ха-ха-ха!... ну теперь-то вы, наконец, убедились, что это сумасшествие? Этого- не- может- быть- потому- что- этого- не- может- быть-никогда-а-а-а!"

Силы, Начальства и Власти в заботах о сравнительном языкознании, и еще о том, как Бонапарт бросил пушки под Мантуей

Несправедливо было бы без разбора считать всех деятелей науки, которые, работая в партийных органах и административном руководстве институтов, кафедр и редакций журналов, принимали организационные, кадровые и издательские решения в 1970—1980-е гг., карьеристами, чиновниками, идеологами и т. п. Там были люди, по своим человеческим и профессиональным качествам очень разные, и большинство их в меру своего разума и возможностей пыталось заботиться о развитии науки. Травлей коллег по идеологическим соображениям уже мало кто занимался — в основном это была небольшая, хотя и влиятельная, группа лиц, чей нравственный облик сформировался в период истребительных кампаний 1930-40-х гг., но в отделе науки ЦК, где очень не любили скандалов, старались по возможности держать этих лиц на коротком поводке. Гораздо опаснее были имитаторы научной деятельности, озабоченные исключительно своим престижем и карьерой.

Однако всех этих очень разнообразных людей объединяло нечто общее — они все громко заявляли о своем самом положительном отношении к сравнительно-историческому языкознанию и к великому Методу, что тем более было трогательно, что практически никто из них им не владел. И если бы не мертвящая природа системы, губящей и опошляющей почти все, к чему она прикасалась, эта заинтересованность начальства в развитии компаративистики могла бы принести большую пользу.

Задача не моя, а историков науки — исследовать источники и понять, была ли вообще "наверху" какая-то реальная позитивная стратегия развития советского языкознания, или там ограничивались лишь реакцией на внешние воздействия и планированием исследований, исходя из уже наличных кадровых и организационных возможностей. Здесь могу лишь высказать некоторые догадки.

Несомненно, синхронная формальная лингвистика²³ в целом, за исключением некоторых прикладных направлений, вызывала недоверие, тем более что она считалась и политически скомпрометированной: среди "структуралистов" было много явных противников режима или людей, близких к ним. К тому же начальство ничего не могло в этой формальной лингвистике понять, что вызывало у него естественное раздражение. Главным идейным врагом советского языкознания был назначен Ноам Хомский²⁴ — безоговорочных его сторонников среди советских лингвистов не было, что сразу делало борьбу с ним сравнительно безобидной и безопасной (а о долгосрочных последствиях никто не беспокоился). Но одновременно нужен был и какой-то позитив, какая-то реальная исследовательская деятельность, пользующаяся авторитетом и в мире, и среди серьезных специалистов в СССР. Усыпительные провинциальные спекуляции на темы "язык и общество", "язык и мышление", "язык как система" и т. п. таким авторитетом не пользовались. Оставалось одно — "огромное здание сравнительно-исторического языкознания" (Ф.П. Филин), освященное великими именами прошлого, могучее и респектабельное, пережившее шельмование и травлю в период господства "нового учения о языке" Н.Я. Марра²⁵ в 1920-40-х гг. и реабилитированное товарищем Сталиным²⁶.

Беда была в том, что за разговорами о развитии сравнительно-исторического языкознания не было никаких реальных действий. Начальство не могло решить для себя, с какой стороны подойти к этому сравнительно-историческому языкознанию и какую из школ и направлений поддерживать. В какие-то моменты проявлялся осторожный интерес к ностратической теории и одновременно страх и недоверие, — а вдруг это все фантастика, тем более что у ностратики было более чем достаточно влиятельных противников, а среди сторонников были люди неблагонадежные. Значительные исследовательские проекты осуществлялись по инициативе самих лингвистов — как большая работа по индоевропеистике Т. Гамкрелидзе и В.В. Иванова²⁷. Понимания того, что в Москве делается что-то более чем серьезное вне рамок индоевропеистики и ностратики, по-моему, не было вовсе.

Поэтому никому из довольно многочисленных товарищей, которые в печати и с трибун несли ахинею о величайшей ценности сравнительно-исторического метода и об огромных достижениях советской компаративистики, даже не приходило в голову, насколько они правы.

***

Старостина никто не пытался остановить по идеологическим или карьерным мотивам. Но сам беспрецедентный масштаб полученных им результатов делал в принципе неизбежным его столкновение с влиятельными лингвистами старшего поколения. Это был конфликт не с режимом, а с несовершенной человеческой природой... Что говорить о языкознании, если даже некоторые великие физики начала XX в. были непримиримо враждебны к теории относительности. И получилось так, что шлагбаум на его пути безуспешно попытался опустить человек, обладавший высокой репутацией среди специалистов.

В кавказской компаративистике 1970-е годы — годы затишья, последовавшие за "бурей и натиском" в картвельском языкознании. Три замечательных грузинских кавказоведа-компаративиста безвременно ушли из жизни раньше, чем могли узнать про работу Николаева и Старостина: создатель сравнительно-исторической грамматики картвельских языков великий Гиви Мачавариани (+1968), Того Гудава, внесший наиболее значительный вклад в сравнительно-историческое изучение аваро-андийских языков (+1976), и Давид Имнайшвили, автор пранахской реконструкции (+1978)²⁸. Другие авторы пытались идти дальше, но без особого успеха, так как осуществляли сравнение на уровне праязыков семей, минуя необходимый этап групповых реконструкций.

Война между сторонниками и противниками школы "иберийско-кавказского языкознания", возглавляемой Чикобавой, перешла в фазу вооруженного перемирия. Каждая сторона понимала, что победить другую не может. Было ясно, что основные проблемы кавказской компаративистики, по крайней мере в близком будущем, неразрешимы из-за

огромной сложности материала и отсутствия древних письменных памятников. Несмотря на эти сложности, кое-что было сделано, и это "кое-что" заставляло советских кавказоведов держаться скромно, но все-таки и немножко самодовольно. Все было предсказуемо и скучно. Внезапного пробива стен и грандиозных успехов никто не ждал.

Я некоторое время колебался, стоит ли мне рассказывать здесь о самой большой ошибке, которую совершил в своей научной карьере выдающийся российский лингвист-кавказовед и мой учитель, человек, которому я чрезвычайно многим обязан - Г.А. Климов (1928—1997).

Думаю, что такой рассказ необходим по двум причинам. Во-первых, до меня легенды, искажающие суть событий. Г.А. в них предстает завистливым и неквалифицированным чиновником от науки, к тому же сводящим со Старостиным личные счеты. Я надеюсь, что читатель поймет из нижеследующего, насколько в действительности глубоким и по-видимому, неразрешимым был конфликт их как исследователей, наложившийся, конечно, и на конфликт личностей, поколений и научных парадигм.

Во-вторых, для многих противников Старостина и его школы отрицательное мнение такого авторитета, как Климов, остается весомым. Без сомнения, должна быть презумпция доверия к мнению специалистов в тех областях, которыми мы сами не занимаемся. Меньше всего я хотел бы здесь поддержать тех, кто цинично относится ко всякой научной экспертизе и не желает видеть разницы между дискуссией исследователей и потасовкой пропагандистов. Я не претендую на полную беспристрастность, но постараюсь точно изложить факты.

Восстанавливая события по памяти через 22 года, я могу, конечно, ошибаться и пропускать что-то важное. Но зато сейчас я лучше, чем тогда, понимаю причины и общий смысл событий, — насколько они вообще имели какой-то смысл.

Достаточно внимательно почитать как первое, так и второе издание фундаментального "Этимологического словаря картвельских языков" и "Введение в кавказское языкознание" Г.А. Климова²⁹, чтобы увидеть, что сравнительно-историческая фонетика - не самая сильная сторона автора этих книг. Здесь Г.А. следовал реконструкции Мачавариани и ничего принципиально нового от себя не внес. Достаточно показательны в этом смысле таблица соответствий между картвельскими языками в первом издании "Словаря", где мы видим некоторые соотношения вроде грузинского *š* - сванского *šk*, верные, так сказать, в принципе, но реально не наблюдаемые (во втором издании эта таблица вообще снята), довольно схематичная запись пракартвельских форм, лишенная проработки деталей и альтернативной нотации, никак не прокомментированное изображение гласного аллофона пракартвельского сонанта /w/ в виде латинской буквы *w* с кружочком внизу или очень спорные и непоследовательные восточнокавказские архетипы. Занимаясь всю жизнь кавказскими языками с их богатейшей фонетикой, он никогда при мне не показывал интереса к фонетическим проблемам и не вступал в дискуссии на эту тему. Достаточно сравнить две рецензии на классическую книгу Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани "Система сонантов и аблаут в картвельских языках" — В.М. Иллич-Свитыча и Г.А. Климова³⁰, чтобы увидеть - насколько первый рецензент вдохновлен аргументацией ее авторов, настолько же второй проходит мимо самых увлекательных в интеллектуальном отношении проблем картвельской фонологической реконструкции. В его представлении фонетика была вспомогательной дисциплиной вроде палеографии, которая интересна не сама по себе, а только как способ понимания изменений в содержательных областях языка — грамматике и лексике.

В чем Г.А. видел перспективный путь сравнительного изучения восточно- и западнокавказских языков? По моему впечатлению, в возможность решительного прорыва в области сравнительно-исторической фонетики он не верил. Ему казалось, что лексика этих языков прямо-таки насыщена нетривиальными "переработанными" заимствованиями из индоевропейских, картвельских и тюркских языков, и начинать надо именно с той работы, которую он любил, — с выделения и тщательного этимологического анализа этих скрытых заимствований. Как заимствование он трактовал почти любое внешнее сходство

севернокавказского слова со словом языка — носителя исторически более высокой культуры. Общепринятый взгляд на исконность земледельческой и скотоводческой лексики в этих языках он не только отвергал, но относился к нему даже с каким-то пренебрежением... Ему казалось, что программа изучения лексики не только осуществима без предварительной разработки базы в виде сравнительно-исторической фонетики, но, наоборот, сама составляет для нее необходимую предпосылку. Уже из сказанного ясно, что работы "не-специалистов" — Николаева и Старостина, в которых обнаруживалась совершенно другая картина, ему представлялись дилетантскими и неприемлемыми, а оценить глубину и блеск их реконструктивных решений он, по-видимому, не мог.

Передо мной до сих пор стоит бледное от ярости лицо М.Е. Алексеева, который, криво улыбаясь, сообщил мне реакцию Г.А. Климова на прочитанный им текст сравнительной фонетики (написанной одним Старостиным) и словаря (написанного Алексеевым и Старостиным в соавторстве): пралезгинский сравнительный словарь-де "недостаточно фундирован" (мне почему-то запало в память это необычное выражение), реконструкция архетипов типологически невероятна и показывает незнание элементарных принципов сравнительно-исторического метода, в качестве общелезгинского материала приведено множество звукоподражательных слов и очевидных заимствований, семантическая реконструкция не проделана должным образом, в общем — работа нуждается в коренной переделке.

Я не верил своим ушам. Ну хорошо, какие-то заимствования, может быть, не учтены... А что же гигантский шаг вперед в реконструкции согласных сравнительно с версиями Бокарева и Талибова? А все позиционные распределения? А вокализм? А кластеры? А реконструкция аблаута? Все это что — совсем ничего не значит?..

Я хотел расспросить Г.А. и понять, что произошло, и меня поразило, что он неожиданно для меня сам проявил инициативу, предложив мне показать рукопись "Сравнительного словаря лезгинских языков" Алексеева и Старостина и подробно объяснить свои замечания. Так и было сделано. Не помню, сколько времени занял наш разговор, думаю, что никак не меньше полутора-двух часов. Переворачивая страницы "Словаря", он комментировал свои многочисленные пометки: здесь к сравнению привлечен явный идеофон³¹, который, конечно, нельзя возводить к пралезгинскому уровню, здесь пропущен арменизм, здесь иранизм, здесь тюркское слово, здесь семантически невероятная реконструкция и т. п.

Г.А. особенно упирал на неучет заимствований. Глаза его азартно блестели, когда он указывал на все новые "ошибки" такого рода - было ясно, что он еще до знакомства с работой предвкушал, как легко и сокрушительно он именно в этом пункте разгромит амбициозного дилетанта, который, конечно же, не знает ни тюркского, ни армянского, ни иранского словаря, — не знает даже того, что все это нужно знать... Именно здесь мне по причине моего невежества было труднее всего с ним спорить. В особенности потрясли меня во множестве приводимые Г.А. армянские параллели — я тогда понятия не имел, что почти ни одно из этих слов не имеет индоевропейской этимологии (о чем Г.А. знал прекрасно, но умолчал в разговоре со мной, считая этот факт неважным)...³²

Веселость Г.А. ничем в действительности не отличалась, например, от трагикомического ликования австрийского генерала Вурмзера, который 2 августа 1796 г., обнаружив оставленную под Мантуей артиллерию французской армии, сделал из увиденного логичный вывод: сняв осаду и бросив свою амуницию, не знающий азов стратегии недоучка Бонапарт в панике бежал...³³ Но этого еще не понимал и я и потоком предполагаемых Г.А. заимствований был ошарашен. Ведь если даже половина его замечаний справедлива... Может быть, подумал я, Сережа действительно чересчур уповаает на фонетику, в которой он так потрясающе силен, и пренебрегает кропотливой этимологической работой? Было бы, наверное, полезно ему с помощью Г.А. отсеять все заимствования и потом еще раз... Все же, собравшись с мыслями, я попытался возразить, предположив, что хотя бы некоторые заимствования ведь могли произойти и в обратном направлении?

Мне трудно даже передать то довольное и в то же время снисходительное и пренебрежительное выражение, которое появилось при этом моем вопросе на лице Г.А. "Зачем?" — усмехнулся он. Возникла пауза. Я понял, что он имеет в виду. Заимствовать лексику у дикарей — охотников и собирателей? Какая чушь... Но логический круг тут же и замыкался: низкий уровень культуры следовал из отсутствия лексики производительного хозяйства. "Но как же... значит, и такие, например, слова, как 'бык', 'гумно' или 'сеять', которые у Трубецкого, и у Бокарева, и у Гигинейшвили, и у Талибова³⁴ считаются правосточнокавказскими..." — "Ну да, именно так. Они тоже поздние заимствования." — "Откуда?" — "Ну, это не всегда видно. 'Бык' похож на картвельского 'барана', другие - может быть, индоевропеизмы..." — "Но подождите... они, кажется, все проходят по нетривиальным соответствиям для заведомо исконных слов?.." — "А вы знаете, такое случается!.. да-да, такое иногда случается!..".

Надо отдать Г.А. должное — в отличие от многих, он не занимался пропагандой, то есть не выискивал любых доводов, даже противоречащих друг другу, только бы они были направлены против оппонента. Он защищал определенную позицию, абсолютно безнадежную, но все-таки такую, которой нельзя было отказать в последовательности и смелости — например, он решительно отметал результаты северокавказской археологии! Не прямо, но недвусмысленно и настойчиво Г.А. несколько раз дал мне понять, что все хорошо известные в литературе выводы о глубокой древности производительного хозяйства на Северном Кавказе — тенденциозная безграмотность, если не прямая фальсификация. Я, конечно, ничего не понимал в археологии, но масштаб предполагаемого заговора или предполагаемой неквалифицированности археологов, принадлежавших притом к разным школам и научным учреждениям Москвы, Ленинграда и Северного Кавказа, показался мне невероятным...

И все же корректной эта критика не была. Особенно неприятное впечатление создавалось от того, что Г.А., который всегда терпеть не мог эмоционально окрашенных оценок, сейчас сам на них не скупился. Он безапелляционно объявлял все, с чем был несогласен, непрофессионализмом и халтурой — не только вполне серьезные, пусть и дискуссионные, идеи Алексеева и Старостина (что само по себе неприемлемо), но даже и те мнения, которых придерживались все специалисты, кроме него, которые он раньше никогда не критиковал и без малейшего протеста допускал к печати, когда их высказывали другие авторы. Этот рефрен, без конца повторяющийся в его устных комментариях ("халтура... халтура... халтура..."), выглядел каким-то самогипнозом — словно его цель заключалась в том, чтобы убедить самого себя, что он не имеет права пропустить такую работу.

Самое же главное — несерьезность той критики, с которой Г.А. обрушился на фонетическую реконструкцию Старостина, была мне очевидна полностью и сразу. Невнимательно прочитав, — точнее, презрительно пролистав "Сравнительную фонетику", он подставил сам себя под удар. Невероятным по наивности было его заявление, что реконструированные Старостиным пралезгинские архетипы представляют собой "среднее фонетическое" наблюдаемых форм. И это он говорил мне — человеку, который только что шаг за шагом проследил потрясающую виртуозную аргументацию старостинской реконструкции! Было похоже, что, читая рукопись словаря, он пытался проверить новые лексические сближения по старым системам соответствий Талибова или Гигинейшвили и, разумеется, у него многое не сходилось.

Были и совершенно трагикомические курьезы. Указывая, например, на случаи вроде пралезгинского *мохор 'грудь', которое выводилось из лезгинского *хур*, табасаранского *мухур*, рутульского *мыхыр* и т.д., или пралезгинского *виракъ 'солнце', реконструируемого из лезгинского *рагъ*, рутульского *вирыгъ*, крызского *вирагъ* и т. д., Г.А. покачал головой: "Мы столько лет боролись против этих "окаменелых классных показателей" Чикобава, и вот теперь Старостин их возрождает". Я пытался убедить Г.А., что это недоразумение: наше поколение кавказоведов воспринимает "великого Арнольда" с его поиском повсюду

"окаменелых классных показателей" как фигуру скорее комическую, но он мне явно не поверил.

Ирония была в том, что здесь Г.А. сам невольно применил патентованный метод Арнольда. Он принял за "окаменелые классные показатели" начальные корневые слоги, состоящие из сонорного и узкого или среднего гласного, которые регулярно отпадают в лезгинском по сформулированному Старостиним фонетическому правилу. Разумеется, если бы он потрудился ознакомиться в рукописи с соответствующим разделом сравнительной фонетики, он бы не совершил такой смешной ошибки. Но пренебрежение его к оппоненту было настолько велико, что он, бегло просмотрев основные выводы, с аргументативной частью "Фонетики" познакомиться не считал нужным, тем более, что, как я написал выше, проблемы фонетической реконструкции его всегда интересовали меньше всего.

Мне показалось все-таки, что некоторые мои (и впоследствии — самого Старостина) ответы и разъяснение двух-трех вопиющих недоразумений произвели какое-то впечатление — в дальнейшем Г.А. более осторожно и дозированно критиковал фонетическую сторону реконструкций Николаева и Старостина, а обвинение в "среднем фонетическом" выдвигать перестал, очевидно, осознав его абсурдность.

Закрыв наконец папку с рукописью, Г.А. строго и даже с некоторой торжественностью заявил: "Ясно, что со Старостиним разговаривать бесполезно, и я не собираюсь тратить на это время". Затем, сняв очки и снисходительно глядя на меня (себя я в этот момент не видел, — возможно, вытаращенные глаза или разинутый рот придавали мне чрезвычайно глупый вид), добавил: "А вот с вами я именно хотел обсудить эту халтуру как можно подробнее. Очень важно вам в самом начале вашей работы убедиться на конкретном примере, как *нельзя* заниматься лингвистикой".

Сколько ни мал был тогда мой опыт общения с людьми вообще и со светилами науки в частности и сколько ни велики бывают юношеские иллюзии, мне сделалось в тот момент ясно, что эту свою точку зрения Г.А. не изменит никогда. И он ведь прав — дискутировать ему с Сережей незачем. Передо мной была какая-то глухая стена, непробиваемая для фактов и аргументов.

И это было настолько непохоже на Г.А., на его всегдашнюю академическую корректность, доброту, внимательность и готовность, не жалея времени, помогать молодым кавказоведам (вот и сейчас он "помогал" мне...), на его терпимое отношение к ошибкам коллег, что происходящее казалось мне сном.

Опускаю рассказ о наших эмоциональных разговорах с Алексеевым и Старостиним вскоре после этого. Сережа был явно обижен тем, как легко я поверил Г.А. на слово, что он не удосужился как следует проверить пралезгинский словарь на предмет заимствований.

Первоначально Г.А. требовал полной переработки фонетики и словаря. Однако перед самым обсуждением монографии на секторе произошло, как мы поняли, что-то, что заставило его ужесточить позицию. Теперь он считал необходимым словарь безоговорочно снять.

Думаю, сценарий обсуждения представлялся Г.А. заранее следующим образом: он в корректной форме излагает свой убийственный отзыв, Старостин пытается что-то на это возразить — нагло, агрессивно и совершенно неквалифицированно, после чего повестка дня может считаться исчерпанной. В действительности этот вполне разумный план не мог быть и не был выполнен Г.А.

Выслушав подробное выступление Климова, которое повторяло в общем то, что я уже слышал, и глядя куда-то в сторону от своего оппонента, Сережа заговорил в ответ — спокойно, даже монотонно, не повышая голоса.

Жаль, конечно, что это не происходило перед большей аудиторией. С.М. Хайдаков и М.А. Кумахов отсутствовали, А.К. Шагиров без всякого удовольствия прочитал свой неблагоприятный и совершенно нелепый отзыв и быстро ушел. (К тому времени он в об-

сих чертах был знаком с абхазо-адыгской реконструкцией Старостина. "Этот парень *очень* глубоко копает", говорил он мне с глаза на глаз. Но невозможно было представить себе, чтобы он выступил против Г.А. в поддержку "мальчишек"). Т.И. Дешериева, по ее собственному признанию, не могла судить о работе как эксперт. Зато благодарную аудиторию образовали мы вдвоем с Мишей Алексеевым.

Вообще-то я затрудняюсь назвать Старостина "сильным полемистом" в обычном смысле слова. У него не было ни напора и апломба спорщика "танкового" типа, ни интуиции, драйва и остроумия "фехтовальщика". Скажу так: применительно к его уму все эти "боевые искусства" вообще не имели значения. Услышав возражение, он наклонял голову и несколько мгновений сосредотачивался, замыкался в себе, потом так же исподлобья отвечал оппоненту — обычно кратко и деловито.

В каждом слове были видны колоссальная эрудиция, проникновение в самую суть проблемы, здравый смысл и трезвость. Удивительнее всего было, когда он защищал свои парадоксальные идеи — он всегда говорил о них таким тоном и с такой обыденной ясной аргументацией, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся, всегда умел подобрать к необычным гипотезам очевидные, привычные параллели, самые простые и наглядные примеры и доказательства. Вот уж кто не умел и не любил говорить загадками, напускать туману... Несомненно, он ценил свои идеи и был довольно упрямым человеком, но понимал опасность эмоций и был бдителен в этом отношении. В тех очень редких случаях, когда он видел свою неправоту или некомпетентность, он замолкал. Каким бы нелепым и глупым ни был вопрос или критическое замечание, Старостин никогда не отвечал сразу - это погружение в себя на несколько секунд происходило обязательно.

Итак, Сережа в немного ироничной, но совершенно корректной форме ответил на замечания Г.А. пункт за пунктом. Предъявлять априорные требования к семантической реконструкции невозможно — она никогда не играла и не будет играть той же роли в компаративистике, как реконструкция формальная, по той простой причине, что только фонологические единицы образуют систему регулярных соответствий в родственных языках, а попытки наметить стандартные пути развития семантики, например, теория "изосемантических рядов" — не более чем интересные гипотезы, затрагивающие только небольшую часть материала. Звукоподражательная лексика не может выступать как доказательство родства, но в случае заведомо родственных языков, таких, как лезгинские, надо исходить из того, что она была и в праязыке и должна быть реконструирована. В дагестанских языках звукоподражательные по происхождению слова прекрасно подчиняются обычным фонетическим соответствиям и никакой особой проблемы для реконструкции не представляют.

Большую часть своего выступления Сережа посвятил разбору этимологической критики Г.А. Он с благодарностью принял несколько справедливых замечаний о неоспоримых поздних заимствованиях. Однако подавляющее большинство их принять невозможно. Часть их следует из априорных и недоказуемых предположений о культуре пралезгин, другая часть представляет параллели в неродственных языках, которые в соответствующих семьях не имеют надежной этимологии и, вероятно, были заимствованы из восточнокавказских языков. Наконец, есть и праязыковые заимствования, — например, слово 'дерево' действительно похоже на индоиранизм, но оно было заимствовано раньше распада пралезгинского, и, таким образом, его включение в словарь оправдано.

Реконструкция на пралезгинском уровне лексики скотоводства и земледелия не может быть признаком безграмотности и непрофессионализма по той простой причине, что до сих пор никто из специалистов не ставил под сомнение ее исконно восточнокавказского характера, а среди археологов существует консенсус по поводу того, что производительное хозяйство на Северном Кавказе возникло значительно раньше предполагаемой даты распада пралезгинского языка³⁵. Напротив, предположение о заимствованном характере этих единиц идет вразрез и с фактами — отсутствием источников заимствования и

регулярным характером фонетических соответствий между ними, — и со всей традицией сравнительно-исторического изучения восточнокавказских языков.

В заключение Старостин перешел к общей оценке словаря, сделанной Климовым, и заметил, что те же претензии могут быть предъявлены — и реально предъявляются — очень многим, в том числе самым известным, этимологическим словарям. Если даже допустить на минуту, что критические замечания Г.А. верны, по тем же меркам наиболее авторитетный индоевропейский словарь Покорного не имеет права на существование, и его публикация — ошибка.

Это был разгром. Стали очевидны не только ошибочность почти всех критических замечаний Г.А., но, что более важно, несостоятельность его собственной концепции происхождения культурной лексики восточнокавказских языков, невозможность сохранить за ней даже статус серьезной гипотезы. А именно к этой концепции в конечном счете и сводились все его наиболее существенные замечания, — конечно, кроме тех, которые были основаны на недоразумениях.

Для меня навсегда осталось величайшей загадкой, в какой мере это выступление показалось убедительным Г.А. Могу лишь сказать, что он явно был задет и, преодолев свое обычное отвращение к публичной полемике (ну, правда, в данном случае не очень-то она была публичной), стал делать именно то, чего делать, как я уверен, не собирался — *отвечать* на контрдоводы Старостина, волнуясь чем дальше, тем больше. Сережа, который так же, как и Г.А., был убежден в бессмысленности спора, ответил в свою очередь, и дискуссия немедленно, как водоворот, затянула обоих оппонентов. Не контролируемая ими, она стремительно разворачивалась по какой-то собственной причудливой логике. Приведу лишь один пример обмена репликами (конечно, по памяти):

СТАРОСТИН. Слова, которые вы считаете заимствованиями в лезгинские языки, — это, например, осетинские или армянские слова, которые не имеют индоевропейской этимологии.

КЛИМОВ. А вы думали, что я этого не знаю?.. Дагестанской этимологии они тоже не имеют.

СТАРОСТИН. Это очень странный вывод про предполагаемые заимствования — при том, что в наших словарных статьях дагестанские этимологии как раз приводятся — регулярные параллели в андийских языках, цезских, лакском и т.д.

КЛИМОВ. Сопоставление — это еще не этимология. Нужно проводить словообразовательный анализ.

СТАРОСТИН. Согласен. Но сопоставление — это базовый элемент любой этимологии. Словообразовательный анализ, конечно, очень важен, но в восточнокавказских языках словообразование, в отличие, например, от картвельских, развито слабо, и то, о чем мы говорим, — это в основном корневые слова.

КЛИМОВ. В некоторых случаях эти ваши сопоставления — бессмыслица, потому что сразу видно, что слово заимствованное. Например, вы реконструируете слово *куч. Но это просто несерьезно: во всех дагестанских языках оно имеет одинаковый вид и везде имеет одно и то же абстрактное значение "вид, форма, способ". Конечно, источник заимствования не виден. Но неужели вы всерьез думаете, что пралезгинам была нужна лексика такого рода?

СТАРОСТИН. Если *к* регулярно соответствует *к*, *у* соответствует *у*, а *ц* соответствует *ц*, значение совпадает и никакого внешнего источника, как вы верно заметили, указать невозможно, я не вижу оснований отказывать этому слову в исконном характере. В аварский и даргинский это слово вроде бы в самом деле было заимствовано из лакского, но в пралезгинском оно, несомненно, было, потому что в арчинском *ц* закономерно перешло в *с*.

КЛИМОВ. Что говорить об абстрактной лексике, если вы реконструируете для пралезгинского прилагательные? Невероятный анахронизм! [Г.А. имел в виду тезис стадильной типологии о позднем возникновении прилагательных]

СТАРОСТИН. В словаре мы не занимались реконструкцией частей речи. В частности, прилагательные мы не реконструируем. Мы реконструируем слова со значением признаков и передаем эти значения на русском языке. В русском языке признаки предметов обычно выражаются прилагательными.

В какой-то момент самообладание изменило Г.А. — ему первому. Кажется, это случилось тогда, когда он по какому-то поводу высказал идею, которая ему была очень дорога, а именно то, что установить *terminus post quem*³⁶ распада праиндоевропейского трудно или даже невозможно — может быть, это было пять, а может быть, и десять тысяч лет. Сережа, слегка улыбаясь, сказал, что ему неизвестны серьезные и заслуживающие обсуждения работы, в которых утверждалось бы такое раннее время распада индоевропейского. Лицо Г.А. покрылось красными пятнами, он заговорил отрывисто и эмоционально.

С какого-то момента дискуссия, исчерпав содержательный потенциал, как это обычно бывает, пошла по кругу — оппоненты стали возвращаться к одним и тем же вопросам, повторять прежние доводы. Наконец, наступила очередь и Старостина потерять терпение. Он спросил: "Г.А., вы считаете, что словарь Хайдакова лучше?".

Г.А. сильно побледнел и ничего не ответил. Очевидно, он расценил это как удар ниже пояса. Собранный путем анкетирования коллег, с беспомощными этимологическими рассуждениями, фонетическими и семантическими ошибками чуть не в каждой статье словарь С.М. Хайдакова был в рукописи решительно забракован предшественником Г.А. Климова Е.А. Бокаревым, но после его смерти вышел под научной редакцией Г.А.³⁷ Вообще-то он всегда был отличным редактором, но трудно сказать, в чем могла заключаться редакторская работа с таким текстом. Может быть, Г.А. поставил там недостающие запятые.

В итоге Алексееву удалось опубликовать разделы, написанные им одним — сравнительно-историческую морфологию и синтаксис лезгинских языков, приложив систему соответствий, разработанную Старостиным. В одной из рецензий отмечалось, что фонологическая реконструкция Старостина, которую использует автор, странна и никак не обоснована в тексте книги...³⁸ Г.А. был настроен совершенно непримиримо, а без его одобрения ни о какой публикации труда по кавказской лингвистике в единственном доступном тогда издательстве "Наука" речи быть не могло³⁹. Публикация там довольно слабых работ, в том числе по кавказоведению, продолжалась между тем своим чередом. Потянулись годы.

"Разлука всего лишь на миг"

Я написал эти воспоминания, еще не придя в себя после внезапного ухода из жизни Сережи Старостина. Писал, и страшный камень на душе как будто становился легче.

Компаративистика никогда не была моей главной специальностью, и последние лет пятнадцать мы с Сережей общались меньше — так что пусть об этом периоде его жизни напишут другие. Но этот человек все равно очень много для меня значил. И сейчас мне кажется иногда, что из московской лингвистики ушла жизнь, что наш мир рассыпался.

Больше тридцати лет в лингвистике происходило чудо, к которому привыкнуть было нельзя. То есть такое явление, которого *не могло* быть, но которое Божьей милостью все-таки *было*.

Противники Старостина совершенно правы, когда указывают на то, что приписываемые ему научные результаты производят впечатление фантастики. Эти результаты в самом деле невероятны и неподъемны даже для большого коллектива первоклассных лингвистов. Сравнительно-историческое языкознание существует немногим меньше двухсот лет, и его история полна блестящих имен — Бопп, Grimm, Бругман, Соссюр, Мейе, Блумфилд, Курилович, Сетяля, Дьяконов... (я называю здесь только тех ученых, чьи заслуги никем не ставятся под сомнение). Пределы возможного для одного, пусть и выдающегося, лингвиста в этой области более или менее известны. В течение жизни можно сделать один хороший этимологический словарь. Можно внести заметный, иногда — решающий вклад

в разработку сравнительной грамматики одной семьи языков, ну, двух (если семьи небольшие). Можно предложить принципиально новую реконструкцию, заставляющую по-новому посмотреть на известные факты. Можно обессмертить свое имя, сформулировав одно-единственное позиционное правило (закон Вернера, закон де Соссюра, закон Грассмана, закон Винтера, закон Бартоломе, закон Лескина, закон Лахмана...).

Но Старостину удалось выйти далеко за эти пределы. Конечно, в какой-то мере это можно объяснить его феноменальной памятью, огромной работоспособностью, тем, что он занимался главным образом семьями, к которым сравнительно-исторический метод раньше применялся мало и непоследовательно, наконец, тем, что в его распоряжении был более полный и качественный материал, чем у его предшественников. Но эти объяснения будут недостаточны. Я до сих пор не могу до конца осознать то, что его вклад, например, в алтаистику или сино-тибетское языкознание вполне сопоставим с его вкладом в кавказоведение.

Что это значит? И можно ли это понять?

Великий человек — это великая трудность, "общественное бедствие", как говорит китайское изречение. Как небесное тело, внезапно ударившееся о поверхность земли, может произвести разрушения, так и гений — носитель непонятной нам творческой энергии, напоминающий о тайне, скрывающейся в самой глубине человека — каждого человека, — придя в соприкосновение с человечеством, обнаруживает, насколько оно мало готово к этой встрече. *Этого* мы не предусматривали, *это* не входило в наши планы, и, столкнувшись с *этим*, мы проявляем себя не всегда с лучшей стороны. К сожалению, не только в литературе или изобразительном искусстве, но и в науке, где все вроде бы построено на фактах и доказательствах, мы видим, что появление гения выявляет всю гамму болезненных аффектов.

Утешительно все же сознавать, как много было друзей, коллег и учеников, которые понимали, кем был Сергей Старостин. Его любили и радовались тому, что он был рядом, тому, что он вообще был. И в краткое мгновение нашей жизни на нас — незаслуженно и счастливо — упал отблеск его славы.

Примечания:

¹ ОСиПЛ — Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, которое окончили многие российские лингвисты, в том числе автор и герой воспоминаний.

² "Альбус Дамблдор поднялся со своего трона..."

— Я хотел бы сказать несколько слов. Вот эти слова: Олух! Пузырь! Остаток! Уловка!.. Зал разразился радостными криками и аплодисментами. Гарри сидел и не знал, смеяться ему или нет. — Он... он немного ненормальный? — неуверенно спросил Гарри у Перси. — Ненормальный? — рассеянно переспросил Перси. — Он гений!" (Дж. К. Ролинг, "Гарри Поттер и философский камень", пер. И.В. Оранского)

³ Сравнительно-историческое языкознание, или компаративистика, — научная специальность С.А. Старостина, область языкознания, изучающая родство языков и ставящее целью реконструкцию языков-предков (праязыков) исторически засвидетельствованных семей. Основой компаративного языкознания является сравнительно-исторический метод.

⁴ В лезгинскую группу восточнокавказской семьи языков входят лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, крызский, будухский, арчинский и удинский языки, распространенные в основном в Республике Дагестан РФ и в Азербайджане.

⁵ Имеются в виду регулярные фонетические соответствия между сходными по звучанию и значению словами в родственных языках — наиболее важная разновидность эмпирических данных, с которыми имеет дело сравнительно-исторического языкознание.

⁶ Знаком * в компаративистике принято обозначать языковые явления, реально не засвидетельствованные, а гипотетически реконструированные исследователем.

⁷ Картвельские, или южнокавказские, языки — семья, распространенная в Грузии и Турции, наиболее известный представитель этой семьи — грузинский язык.

⁸ Вокализм — система гласных.

⁹ Аблаут — чередование гласных при изменении грамматических форм, напр. рус. *возить* — *везу*.

¹⁰ Вообще-то в кавказоведческой литературе на русском языке не принято склонять мегрельские фамилии, но здесь я следую литературной норме (*Бери-ю, Гамсахурди-ю, Окуджав-у*).

¹¹ Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л. 1971; Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М. 1990.

¹² Чикобава А. (1898—1985) — исследователь кавказских языков, лидер тбилисской школы "иберийско-кавказского языкознания", инициатор лингвистической дискуссии 1950 г., в ходе которой было восстановлено в правах сравнительно-историческое языкознание.

¹³ Князь Н.С. Трубецкой (1890—1938) — один из крупнейших лингвистов XX в., основоположник фонологии, теоретик структурализма. В 1920-е гг. выдвинул гипотезу о существовании севернокавказской семьи языков, в 1970-80-е гг. доказанную С.Л. Николаевым и С.А. Старостиным.

¹⁴ Старостин С.А. Реконструкция праабхазо-адыгской системы согласных// Конференция "Проблемы реконструкции". Тезисы докладов. М. 1978; Николаев С.Л. Реконструкция фонетической системы працезского языка. Там же.

¹⁵ Сино-тибетские, или китайско-тибетские, языки — большая языковая семья Восточной и Юго-Восточной Азии, к которой, в частности, относятся китайский, тибетский и бирманский языки.

¹⁶ Институт востоковедения АН СССР.

¹⁷ Севернокавказская языковая семья состоит из двух ветвей – западной, или абхазо-адыгской, и восточной, или нахско-дагестанской.

¹⁸ Енисейские языки — семья языков, распространенная в Сибири вдоль Енисея (наиболее известный представитель — кетский язык).

¹⁹ Ностратика, или ностратическое языкознание, — теория отдаленного родства нескольких больших языковых семей Евразии (индоевропейской, уральской, алтайской, картвельской...), предложенная советским компаративистом В.М. Иллич-Свитычем (1934—1966).

²⁰ Выдвинутая С.А. Старостиным в начале 1980-х гг. гипотеза отдаленного родства сино-тибетских, енисейских и севернокавказских языков.

²¹ А.Б. Долгопольский (1930) лингвист-компаративист, один из создателей ностратической теории. Живет и работает в Израиле, куда эмигрировал из СССР в 1976 г.

²² Цезские языки — одна из групп восточнокавказских языков. На языках этой группы говорят в Цунтинском и Цумадинском районах Республики Дагестан РФ.

²³ Имеются в виду различные лингвистические направления, которые стремятся использовать строгий формальный аппарат и занимаются не историческим изменением языка, а его структурой в данный исторический момент (синхронией). Наиболее известными формальными направлениями являются структурализм и генеративная грамматика.

²⁴ Хомский (Чомски) Н. (1928) — наиболее известный современный лингвист, автор генеративной грамматики. С его именем связана т. наз. "хомскианская революция" - попытка построить формальную теорию языка по образцу естественных наук. Широко известен также как левый политический мыслитель и публицист, близкий по взглядам к анархо-синдикализму.

²⁵ Об академике Н.Я. Марре (1864-1934), его "новом учении о языке" и лингвистической дискуссии 1950 г. с участием Сталина см.: Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. Изд. 2. 2004. Ф.П. Филин (1908-1982) — до дискуссии 1950 активный маррист, громивший сравнительно-историческое языкознание; в последующие десятиле-

²⁶ "Сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н.Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов" (И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания. М. 1950, с. 32.). "Очень разумная статья, я ее всегда поддерживал" (С.А. Старостин).

²⁷ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб. 1984.

²⁸ Впоследствии, работая с соответствующими группами языков, Старостин и Николаев в основном вносили коррективы в уже готовые реконструкции Гудава (Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков. Тб. 1964) и Имнайшвили (Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тб. 1977).

²⁹ Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М. 1964; Klimov G.A. Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages. Berlin. 1998; Климов Г.А., Введение в кавказское языкознание. М. 1986.

³⁰ "Вопросы языкознания", 1966, #4.

³¹ Идеофон — звукоподражательное слово, напр. рус. *жуужжать*, *шуршать*.

³² Армянский язык образует отдельную ветвь индоевропейской семьи. Армянское слово, не имеющее индоевропейской этимологии (т.е. такое, исконность которого не доказана), может в принципе быть заимствованием из какого-нибудь неиндоевропейского, например, кавказского, языка.

³³ Один из наиболее известных эпизодов итальянской кампании. В результате нескольких стремительных и непредсказуемых маневров Бонапарта превосходящая его численностью австрийская армия, возглавляемая Вурмзером, была разгромлена по частям.

³⁴ См.: Trubetzkoy N.S. Nordkaukasische Wortgleichungen. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXVII, Heft 2. Wien. 1930, S. 276; Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси. 1977, с. 72, 111; Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М. 1980, с. 286; Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М. 1981, с. 27-29. О проблеме культурных праязыковых заимствований в этом материале см. Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде// Древняя Анатолия. М. 1985; Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы// Древний Восток. Этнокультурные связи. М. 1988.

³⁵ Примечания Г.А. против статей "гумно" или "зерно" — "Земледелия еще не было!", против статьи "седло для осла" — "На кого надевали?"... О неолитической революции на Северном Кавказе, датируемой сейчас VII-VI тыс. до н.э., и о чохской культуре см., например, в: История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М. 2004, с. 22-34 (раздел написан М.Г. Гаджиевым).

³⁶ *Terminus post quem* (лат.) "срок, после которого" — наиболее раннее возможное время некоторого исторического события.

³⁷ Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М. 1973.

³⁸ Шульце В. Рец. на: Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М. 1985// Вопросы языкознания, 1988, #3.

³⁹ "Сравнительно-историческая фонетика лезгинских языков" С.А. Старостина до сих пор не опубликована. Основное содержание этого труда отражено в: Nikolayev S.L., Starostin S.A., A North Caucasian Etymological Dictionary. М. 1994